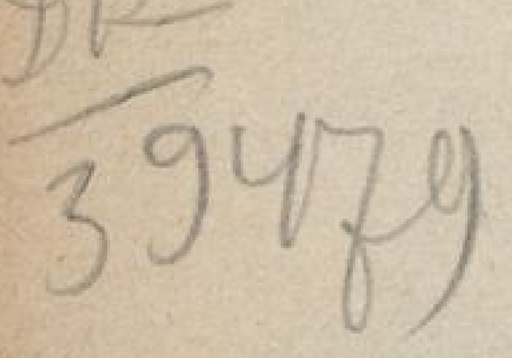
МУРЗИЛКА

ДЕТИЗДАТ
АПРЕЛЬ 1936

МУРЗИЛКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ АПРЕЛЬ 1936 № 4
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ — ДЕТИЗДАТ. Адрес: Москва, М. Черкасский, 1. Тел. 1-15-42

СОДЕРЖАНИЕ

ПАШКА-МЕДВЕЖЬЯ СМЕРТЬ

Г. Эль-Регистан
Фото Д. Дебабова

В лесу было тихо. Лайка бежала впереди хозяина.

В молчании застыли могучие пихты и кедры, сосны и ели. Под тяжестью снега гнулись их тяжелые зеленые лапы. Лайка вскидывала морду и внимательно вглядывалась в густые ветви громадного кедра. Вдруг она взвизгнула и села на снег.

Хойбуль Толстых побежал на зов собаки. Он ловко скользил на широких и коротких лыжах по глубокому снегу. На ходу торопливо он сбросил с плеч ружье и глянул вверх. На макушке громадного кедра зверолов заметил белку.

Собака лаяла взволнованным звонким лаем: „Вон она! Стреляй скорей! Стреляй!“

Резкий выстрел прорезал таежную тишь. Серый комочек отделился от верхушки дерева. Зашелестел опавший снег. Лайка заметалась, закружилась у ног зверолова-следопыта.

Меткий зверолов поднял зверька и остался доволен своим выстрелом. Чтобы не портить нежной, пушистой шкурки, он всегда стрелял белок маленькой дробинкой в глаз.

Это была шестнадцатая белка за сегодняшний день. Хойбуль привязал ее ремешком к поясу.

Он был одет так, как одеваются все охотники—эвенки [1]. На ногах Хойбуля поверх меховых собачьих чулок были широкие сапоги из оленьей шкуры. Верхнюю одежду — парку из оленьего меха — перепоясывал патронташ с патронами и острым охотничьим ножом. Голова была повязана легким платком. Юный зверолов-комсомолец не боялся простудить голову. Она была защищена от свирепых морозов густой копной длинных иссиня-черных волос.

В прозрачном хо-

[1]) Эвенки—народ, живущий на севере Красноярского края.

лодном воздухе стояла попрежнему мертвая тишина. Хмурая тайга дремала.

Хойбуль взмахнул лыжными палками и побежал по тайге вслед за своим четвероногим другом.

Вдруг лайка остановилась. Она беспокойно зашевелила ноздрями, обнюхала корень ели, ткнула мордой в большой снежный сугроб. Ого! Пахнет росомахой, кровожадным зверем енисейской тайги. На корнях остались царапины от когтей хищника. Но выпавший ночью снег похоронил следы росомахи.

Лайка разочарованно вильнула хвостом.

Через минуту новый запах защекотал ее ноздри, и она ринулась влево. Нетерпеливым повизгиванием она торопила зверолова.

Хойбуль Толстых внимательно рассмотрел новые следы. Прощупав палкой след, он определил: здесь проходила часов шесть-семь тому назад лиса. Он пошел по следу и внезапно остановился. Его зоркие глаза заметили тоненькую черную шерстинку. Она висела на запорошенном снегом кусте дикой смородины. Следопыт осторожно снял шерстинку с куста и положил ее на свою широкую ладонь. Это был черный волосок с серебристым кончиком. Его потеряла чернобурая лиса. Лиса была старая, опытная. Она петлила, забегала за кусты, заметала следы пушистым хвостом, чтобы сбить со следа зверолова.

Молодой охотник добродушно усмехнулся.

— Найдем, однако, — пробормотал он под нос.

А лайка отчаянно лаяла где-то впереди, в чаще леса. Хойбуль сдул шерстинку с ладони и побежал на лай.

На снегу были рассыпаны птичьи перья. Здесь лиса поймала рябчика, аккуратно ощипала его и сытно поужинала. В нескольких шагах, в густом кустарнике, Хойбуль нашел лёжку лисы: подтаявший снег покрылся корочкой льда.

Охотник и собака продолжали поиски лисы. След, как стежка, покрыл снежный покров тайги. Хойбуль мог итти по такому следу день, два дня, пять дней. „Лишь бы не было пурги, а то пропадет след“, подумал Хойбуль, взглянув на сереющее небо.

Дней шесть тому назад пурга застала его в тайге. Снежный буран со свистом и улюлюканьем бросился на молодого зверолова. Пурга швыряла обледеневший снег в глаза Хойбуля. Она с визгом кружилась вокруг него. Она валила его на землю. Хойбуль зарылся, как белая куропатка, в снег вместе с собакой. Он сидел в сугробе, пока не утихла метель, встал, отряхнулся и пошел, как ни в чем не бывало.

Хойбуль шел по следу. Вдруг рядом с лисьей стежкой вырос свежий человеческий след. Хойбуль вспотел от волнения. Откуда здесь человек? До ближайшего жилья не меньше десяти часов хода.

Лайка села, облизнулась, вильнула хвостом и вопросительно глянула на зверолова.

След был громадный. Широкие ступни человека, одетого в мягкие меховые сапоги, глубоко вдавливались рядом с легким лисьим следом. Человек, выйдя из

таежной чащи, шел за лисой впереди Хойбуля.

Хойбулю стало досадно, но, пройдя несколько шагов, он радостно вскрикнул. По следу видно было, что неизвестный человек слегка припадает на левую ногу. Так мог ходить только брат Хойбуля — знаменитый Пашка-Медвежья Смерть. У него были самые большие ступни среди всех охотников народа эвенков. Левую ногу Пашке разодрал во время схватки в лесу медведь, и с тех пор он немного припадал на нее во время ходьбы.

Хойбуль засвистал условным пронзительным свистом. Свист помчался по тайге, как выстрел. Хойбуль прислушался. Издали несся навстречу ответный свист Пашки-Медвежьей Смерти.

Братья радостно хлопали друг друга по плечу сильными, мускулистыми руками. Пашка-Медвежья Смерть был ширококостным, коренастым парнем. Руки его таили в себе железную силу. Он был неутомим в ходьбе. Рядом с ним юный Хойбуль выглядел подростком.

— Много ли дней, однако, ходишь по тайге? — спросил Пашка брата, набивая трубку табаком.

— Тридцать два солнца, однако, — ответил Хойбуль. — А ты сколько?

— Однако, сорок шестой, — произнес Пашка, затягиваясь едким дымом. — За Ангарой был, гонял росомаху. Ушла, однако. Двенадцать волков в капканы взял. Его ищу. Его нигде не вижу. Спать лег. Он в берлоге, однако.

Пашка говорил о медведе. Он предпочитал медведя всякому зверю, но по обычаю народа эвенков Пашка никогда не называл медведя по имени.

— Вместе пойдем по следу лисы, — сказал Пашка, попыхивая трубкой. — Лиса, однако, старая, обмануть может одного.

Коренастый Пашка побежал вперед, быстро переставляя лыжные палки. Чем дальше, тем свежее становился лисий след. И вдруг он исчез.

Это было в буреломе, в самой чаще тайги. Штормовой ветер вырвал с корнем десятка три деревьев и навалил их в огромную кучу. Беспорядочно сваленные деревья и снежные сугробы, заметанные ветрами, делали это место непроходимым для человека на лыжах.

Пашка послал брата в обход. Хойбуль должен был выйти сзади, чтобы отрезать лисе отступление, а старший брат снял лыжи и полез в бурелом. Он осторожно пробирался между деревьями, стараясь не производить никакого шума. В руках своих сжимал ружье.

Ноги Пашки скользили по обледенелой коре толстого кедра. Пашка присел и пополз по стволу. До земли было метра три. Он прижался к дереву, глянул в темную чащу валежника и вдруг увидел лису.

Сверкнув белым кончиком черного пушистого хвоста, лиса молниеносно юркнула под куст. Нельзя было терять ни одного мгновения.

Вскинув ружье, Пашка, почти не целясь, выстрелил. И тут, потеряв равновесие от отдачи, Пашка-Медвежья Смерть грохнулся вниз. Ружье выскользнуло у него из рук.

Зверолов упал на мягкий снежный сугроб. Падение его оглушило. Сугроб неожиданно раздался, и Пашка провалился

в яму. За своей спиной он услышал храп и мычание. Почуяв неладное, Пашка-Медвежья Смерть бешено заработал локтями и коленями; он старался как можно скорее выбраться из ямы. В трех-четырех шагах от него мотал головой и храпел огромный мохнатый зверь. Пашка попал в медвежью берлогу.

Пашка рванулся и ухватился за толстый сук, нависший над берлогой; он подтянулся на мускулах. Раскачавшись, он прыгнул в сторону. Проваливаясь в снег, бежал он, задыхаясь, к толстой пихте. Медведь, выбравшись из берлоги, неторопливо следовал за человеком.

В руках у Пашки блеснул охотничий нож. Это был надежный, проверенный нож, с тридцатью пятью зарубками на рукоятке. Прижавшись к толстому стволу пихты, Павел ждал зверя. Он слышал звонкий лай собаки Хойбуля. Лайка почуяла зверя и спешила на помощь.

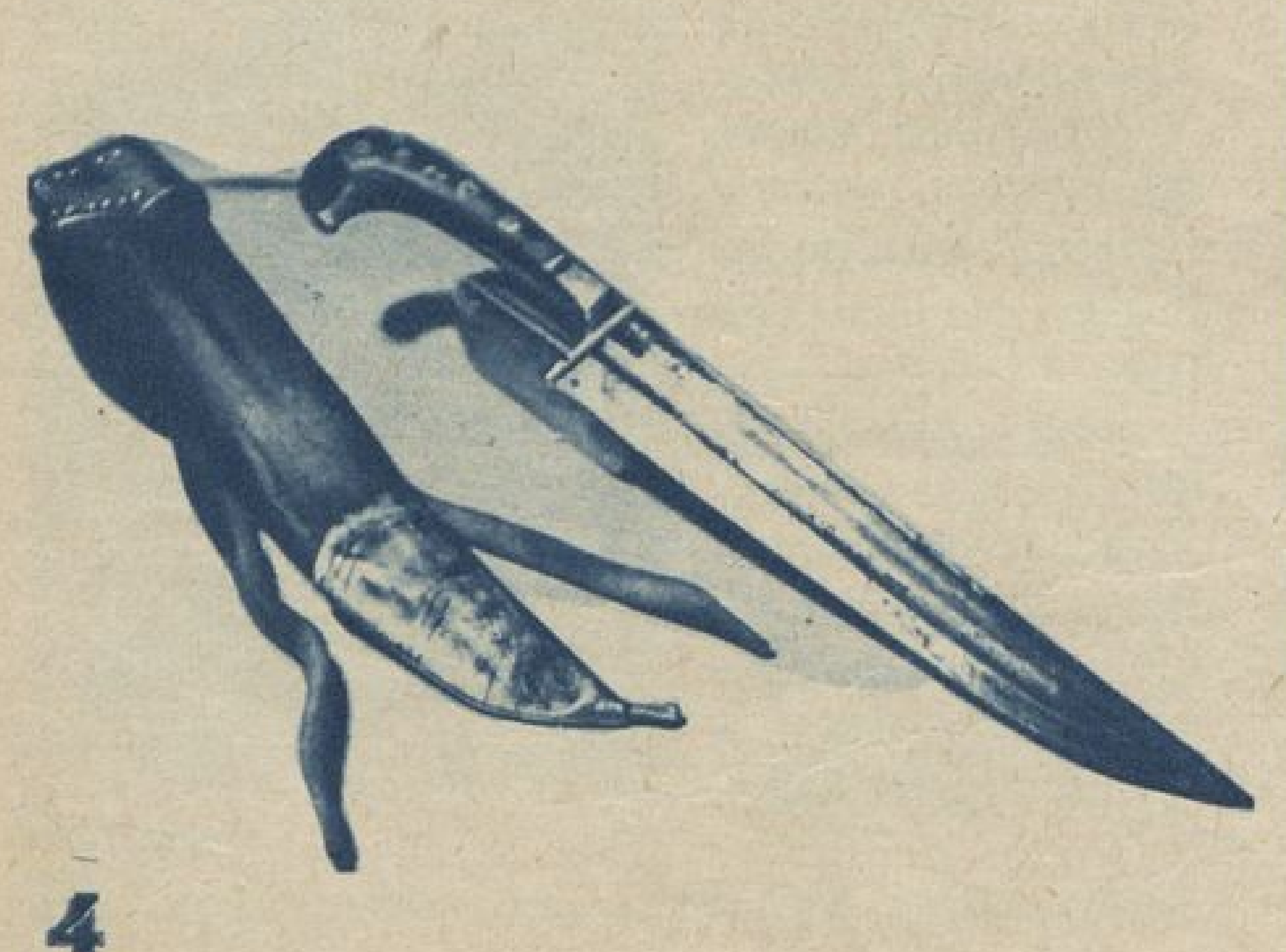
Медведь был в пяти шагах от охотника. Затаив дыхание, Пашка ждал нападения. В минуту опасности он никогда не терял хладнокровия и рассчитывал каждое свое движение. Его полусогнутая рука крепко сжимала рукоять ножа. Взгляд его черных упрямых глаз был прикован к зверю. Подойдя к самому дереву, медведь встал на задние ноги и с ревом потянулся лапами к Пашке.

Пашка замер, еще теснее прижавшись к стволу. В ту минуту, как разъяренный зверь со страшным ревом сомкнул свои объятия, зверолов быстро присел. Обманутый медведь выпустил из своих лап толстый ствол кедра, и в эту же минуту лайка Хойбуля впилась ему в зад. Медведь присел на снег, нелепо размахивая лапами. Этим воспользовался Пашка. Он обхватил левой рукой дерево и коротко и сильно взмахнул правой. Охотничий нож торчал под лопаткой зверя. Медведь повалился навзничь, окрашивая снег кровью.

Пашка-Медвежья Смерть делал на своем ноже тридцать шестую зарубку, когда к нему подбежал запыхавшийся младший брат.

— Упустил лису, однако? — спросил Хойбуль, переводя дыхание.

— Разводи костер, однако, — ответил Пашка, спокойно набивая табаком трубку. — Ужинать надо Пашке и Хойбулю, однако. Скоро вечер.

Про кота, который думал, что он человек

О. Перовская
Худ. А. Брей

У кошки родились котята. Это было в лесу, на чердаке пустой дачи. Никто им не радовался, голым, слепым, некрасивым котятам. Одна только мать долго лизала их, любовалась ими и пела на весь чердак: мурр-амурр, муррам-мур...

Это была отличная колыбельная песня, и, слушая ее, котята крепко уснули.

Кошка спустилась в подвал за мышами. Она была очень тонкая, худая, и после рождения детей ей сильно захотелось есть.

В подвале она не поймала ни одной мыши. Мышей надо ловить терпеливо, а кошку мучил голод. Она не могла долго ждать у норы.

Она пошла в лес и хотела разорить птичье гнездо. Тут на дереве кошку увидел охотник и застрелил ее.

Прошло несколько дней. Два слепые котенка уже больше не дышали и ничего не чувствовали. А третий котенок все еще изредка открывал голый губастый рот и шептал: „Ма... ма...“

В это время на дачу приехал грузовик. Он привез стулья, столы, кровати, матрацы, подушки — целую гору вещей. Наверху этой горы стояло маленькое кресло, а в нем сидела кудрявая девочка.

Через несколько минут девочка уже носилась по всей даче и, конечно, добралась до чердака.

— Мама, котятки! — вскрикнула она.

Котят вынесли на свет, и все увидели, что они уже дохлые.

— Выбрось их, Танечка, подальше, — сказала мама. И Таня пошла в лес выбрасывать.

Нелегкое это дело — выбросить сразу трех маленьких котят. Таня долго горевала над ними. Особенно жаль было выбрасывать одного. Он был кремовый, с черной кляксой на носу.

В теплых Таниных руках он отогрелся. Большая горячая капля капнула на его голый рот. Котенок вдруг раздвинул губы, слизнул соленую каплю и беззвучно позвал: „Ма...“

Это и был Пепка.

•

Целый день Таня согревала котенка. Теперь уже котенку в рот капали сладкие

молочные капли. Таня кормила его с чайной ложечки. Котенок не умел глотать. Он захлебывался. А сил у него становилось все меньше и меньше.

Таня носила котенка в одеяльце, баюкала его и говорила ему, как настоящая мать: „Ах, несчастный ты мой! Неудачный ты мой!“

На полянке возле дачи паслась корова.

Таня подошла к ней. Погладила ее и поднесла котенка к ее полным соскам. Котенок стал понемножку лизать.

Тут корова внимательно принюхалась, узнала, что у Тани в руках, и словно сбесилась. Она стала шумно дышать. Замахала хвостом и рогами.

Таня пробовала ее уговорить, чтобы она покормила несчастного котенка. Но корова не соглашалась. Пришлось Тане положить Пепку на траву и побежать за хлебом, чтобы задобрить корову.

Только успела Таня отбежать, как Буренка обнюхала траву, сердито фыркнула, подмахнула что-то под себя и легла.

Таня вернулась с хлебом. Стала оглядываться. Ни котенка, ни его одеяльца. А корова лежала и громко отдувалась: ф-уу! ф-уу!

Таня еще раз оглянулась и поняла все.

— Встань сейчас же! Встань, толстуха противная! — Она стала колотить корову кулаками. Корова нехотя поднялась.

Под коровой лежали одеяльце и Пепка. Котенок попал не под тяжелый, тугой, как барабан, коровий живот, а как раз угодил подмышку, между животом и передними ногами. Тут было пустое пространство, и Пепку не раздавило в лепешку. Он опять остался жив.

Вот какой это был удачливый котенок!

•

Через девять дней у Пепки разлепился один глаз. Он был синий и умный. Этим глазом Пепка научился узнавать Таню и бутылочку с соской и тянул к ним дрожащие лапы.

Постепенно он научился держать соску в передних лапах, сам опрокидывался на спину, а задними еще приподнимал флакончик, чтобы молоко вытекало получше.

Когда разлепился и второй глаз, Пепка стал быстро расти.

Он очень любил Таню. Ходил всюду за ней, как собака. Они вместе гуляли, собирали в поле цветы и ходили на речку. Таня сбрасывала на берегу платье и белье, входила в воду, брызгалась и смеялась. А Пепка сидел на белье, щурился на черную кляксу у себя на носу и громко пел басом: мурр-амур, муррам-мур!

Казалось, все шло отлично, но к концу лета обнаружилось, что у Пепки совсем не кошачьи манеры

Маленькие зверята, еще сосунками, играя и шаля, научаются у своих матерей разным играм и приемам. Когда они подрастают, они узнают, что как раз эти самые игры им и были нужны, чтобы потом добывать себе пропитание. Если бы Пепку вырастила и воспитала кошка, она с са-

мых первых дней играла бы с Пепкой в кошачьи игры.

Она внезапно соскакивала бы на него со стульев и столов, валила бы его с ног, кусала бы за живот. Для того, чтобы избежать этого, Пепка сам начал бы нападать, подстерегать и ловить.

Тогда уже старой кошке пришлось бы спасаться от вояки-котенка, прятаться под кровать так, чтоб только кончик хвоста нечаянно шевелился где-нибудь в уголке.

Он глядел бы подолгу под кровать горящими, жадными глазами.

Как-нибудь шевельнулась бы вместо маминого хвоста мышь. Тогда Пепка кинулся бы и зажал ее в зубах.

Таким образом он сделался бы настоящим котом — свирепым и кровожадным охотником за мышами.

Но Пепку воспитывала не кошка, а Таня. У Тани не было хвоста, и она не знала никаких кошачьих игр.

Пепка, наверное, думал, что он человек. Он степенно ходил с Таней по лесу. Слушал внимательно все ее наставления. Утром и вечером давал лапу — здоровался и прощался. Вообще он многому научился у Тани, но, вы сами видите, это было совсем не кошачье воспитание.

Ночью кот крепко спал и не обращал никакого внимания на очень интересные шорохи возле мышиной норки.

— Ты что это себе воображаешь? — строго говорила ему Таня. И для того, чтобы он не воображал, она принесла ему мышь в мышеловке.

Она думала, что у Пепки сейчас разгорятся глаза, он начнет кровожадно рычать и набросится на добычу.

Вместо этого Пепка задумчиво поглядел на мышонка, поднял мягкую лапу и тихонько погладил его по спине. А потом он совсем отвернулся, зевнул, закрылся газетой и захрапел.

•

Осенью и зимой Таня с мамой, папой и Пепкой жила в городе. Таня начала ходить в детский сад. В городе Пепке не позволяли провожать Таню по улицам. Он только мог прижимать к стеклу свою черную кляксу и глядел через окно, как красная шубка и капор уходили от него через дорогу.

Он смотрел в окно целый день. Глаза у него становились ленивые, заспанные, морда пухлая. Он ничем не мог заниматься, скучал и все жаловался: мя-у! мя-у!

Но вот на крылечко выбегали ребята. Появлялся кто-то в красной шубе и капоре. Глаза у Пепки сразу веселели. Он соскакивал с подоконника, ронял на пол банки с цветами и разные вещи и опрометью кидался встречать Таню.

Но даже и тогда, когда она была дома, Таня стала меньше возиться с Пепкой. У нее появились книжки с картинками. Она долго сидела теперь за столом и глядела на буквы, читала.

Пепка тоже пробовал глядеть, но буквы казались ему черными жучками. Он осторожно накрывал их лапой.

Ему очень хотелось, чтобы Таня поговорила с ним, и он торопился переворачивать ей странички.

— Подожди, Пепка, я еще не дочитала, — останавливала его Таня.

Но Пепка не мог утерпеть. Он подсо-

вывал лапу под следующую страницу и готов был даже смять, даже разорвать книжку, лишь бы Таня скорей прочитала. Тогда девочка смахивала его со стола на пол и говорила сердито:

— Да отстань же ты, Пепка! Тебе не интересно читать, ну, пойди и займись своими кошачьими делами.

А Пепка не знал никаких кошачьих дел. Он ведь думал, что он человек.

Зимой Тане подарили белую крысу — Михрюту. У Михрюты были красные глаза и розовые уши. Она была нежная, совсем не похожая на настоящую серую разбойницу-крысу.

Пепка обрадовался ей больше, чем Таня. Он радовался, когда крыса пила молоко из его блюдечка. Радовался, когда она хвостиком таскалась за ним. И радовался даже тогда, когда она комочком уютно устраивалась у него на затылке.

Пепке было уже больше двух лет.

Наступило еще одно лето. В это лето Таню вместо дачи отправили с детским садом в колонию. Как только Таниного голоса не стало слышно в квартире, Пепка встревожился. Они с Таней никогда не расставались надолго.

Кот ходил по всему дому расстроенный, раздирающим голосом звал Таню и волновался. Крыса тоже ходила по дому и делала вид, что она тоже волнуется.

Через несколько дней стало ясно, что Таня уехала. Но куда же, куда? Конечно, на дачу, больше она никуда не могла уехать.

Два лета подряд Пепка ездил с ней вместе, а тут вдруг она его бросила и уехала на эту дачу одна.

Пепка мучился целую ночь, а наутро солнце только взглянуло на большую дорогу и сразу рассмеялось: по пыльной дороге направлялись на дачу два путника: толстый кремовый кот с черной кляксой на морде и белая крыса.

Пепка топал прямо по пыли и громко кричал: „Та-ня! Та-а-ня!“

Он ведь чувствовал себя человеком и потому не боялся итти посредине дороги. А крыса полагалась на Пепку. Она думала только о том, как бы ей не отстать.

Вдруг из-за поворота с лаем выскочили собаки. В один миг они съели Михрюту. А Пепка быстро-быстро вскарабкался на соседнее дерево.

Долго он сидел там одинокий, голодный. Поздно вечером он перебрался на чердак. Там как раз собралось шумное общество, коты громко пели, а кошки с удовольствием слушали музыкантов.

Коты встретили Пепку воем и угрозами; шерсть у них встала дыбом. Тогда Пепка сразу забыл, что он человек. Он стал драться, как настоящий кот.

Враги бросились от него врассыпную, а он смело и гордо тряхнул своей изодранной шкуркой и запел неслыханным басом: „Ва-о, ва-о!“

Тут из-за трубы показалась скромная кошечка. Она ласково стала зализывать лохмотья героя.

Пепке она очень понравилась. Он решил остаться и жить с ней всю жизнь.

С тех пор Пепка совсем уже перестал считать себя человеком. Сейчас он изумительно ловит мышей. Зажав мышь в зубах, несет он ее через весь чердак своим детям — котятам. Он такой стал вояка, что, увидев его, вы, наверное, никогда бы не поверили, что он мог гладить лапкой мышонка и дружил с белой крысой.

Стихи А. С. Пушкина

Конь

(Из песен западных славян)

„Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?“

Отвечает конь печальный:
— От того я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
От того я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет,
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет.

„Соколиная охота в Индии". Этот рисунок сделан триста лет тому назад искусным иранским художником. Имя этого художника не сохранилось.

Рисунок находится в Музее восточной культуры в Москве

Сказка Ганса-Христиана Андерсена

Соловей

Худ. К. Кузнецов

В Китае, как ты знаешь, и сам император и все окружающие его — китайцы. В целом мире не нашлось бы дворца лучше императорского; он весь был из драгоценнейшего фарфора, такого хрупкого, что страшно было до него дотронуться. В саду росли чудеснейшие цветы, и к самым красивым из них были привязаны серебряные колокольчики, которые постоянно звенели, чтобы каждый прохожий обращал внимание на цветы. Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что и сам садовник не знал, где он кончается. Из сада можно было попасть прямо в густой лес, который доходил до самого синего моря. Корабли проплывали под деревьями, а в ветвях жил соловей, который пел так чудесно, что бедный рыбак заслушивался его и даже забывал о своем неводе. Со всех концов света в столицу императора приезжали путешественники; все они восхищались великолепным дворцом и садом, но, услышав соловья, говорили: „Вот это лучше всего!"

Вернувшись домой, путешественники писали обо всем, что видели; ученые описывали дворец и сад императора и никогда не забывали упомянуть о соловье. Поэты слагали в честь соловья, жившего в лесу на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот некоторые из них дошли до китайского императора. Он сидел на своем золотом троне, читал и поминутно кивал головой, — ему очень приятно было читать

Первый придворный императора забегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто, к кому он обращался с расспросами, не слыхал о соловье. Тогда он вернулся к императору и доложил ему, что соловья, вероятно, выдумали сочинители книг.

— Я хочу слышать соловья! Он должен быть сегодня же вечером! — сказал император. — Если его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина наказать всех придворных ударами палок по животу.

— Тзин-пе! — ответил первый придворный — и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам. Вместе с ним бегали и остальные придворные: никому не хотелось отведать палок. Наконец, на кухне нашли они маленькую бедную девочку, которая сказала:

— Соловей? Как же мне не знать его? Каждый вечер я ношу моей больной матери остатки от обеда. Она живет у самого моря, и когда я возвращаюсь назад, я всегда слушаю соловья.

— Девочка, — сказал первый придворный, — я позволю тебе посмотреть, как кушает сам император, если ты сведешь нас к соловью. Он приглашен сегодня вечером ко двору.

И вот все отправились в лес, где обыкновенно пел соловей. Шли, шли и вдруг замычала корова.

— О! — воскликнули молодые придворные. — Вот он! Какая, однако, сила у такого маленького созданьица! Но мы где-то слыхали его и раньше.

— Это мычит корова, — сказала девочка. — Нам еще далеко до места.

похвалы своей столице, дворцу и саду. „Но соловей лучше всего!“ — было написано в книге. „Что такое? — сказал император. — Соловей? В моем государстве и даже в моем собственном саду живет такая замечательная птица, а я ни разу не слыхал ее!..“ И он позвал к себе первого из своих придворных. Этот сановник напускал на себя такую важность, что если кто-нибудь из людей попроще осмеливался заговорить с ним или спросить его о чем-нибудь, то он отвечал только: „пф!“, а это ведь ровно ничего не означает.

— Оказывается, что у нас есть замечательная птица, которую зовут соловей, — сказал император. — Почему же мне ни разу не доложили о ней?

— Я тоже не слыхал об этой птице, — отвечал первый придворный, — она никогда не была представлена ко двору.

— Я желаю, чтобы она была здесь и пела передо мной сегодня же вечером! — сказал император. — Весь свет знает о том, что у меня есть, а сам я ничего не знаю!

— Я тоже ничего не знаю, — повторил первый придворный, — но я постараюсь разыскать ее.

Легко сказать! А где ее найти?

Заквакали лягушки.

— Прелестно! — сказал один из придворных. — Точь в точь как серебряные колокольчики.

— Нет, это лягушки, — сказала опять девочка, — но теперь, я думаю, скоро услышим и его.

И вот запел соловей.

— Вот это соловей, — сказала девочка. — Слушайте! Слушайте! А вот и он сам! — И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, сидевшую на ветке.

— Самая обыкновенная птица, — сказал первый приближенный, — но, вероятно, она потеряла все свои краски, увидев так много знатных особ.

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Император желает послушать тебя.

— Очень рад, — ответил соловей и запел, думая, что перед ним сам император.

— Несравненный соловушко, — сказал первый придворный, — на меня возложено приятное поручение пригласить вас сегодня на придворный вечер.

— Пение мое лучше слушать в лесу, — сказал соловей, — но я охотно отправлюсь с вами, если так угодно императору.

А во дворце между тем шли приготовления к празднику.

Посреди огромного зала, где сидел император, возвышался золотой шест для соловья. Все придворные были уже на местах. Даже бедной девочке позволили стать в дверях, потому что она получила звание придворной поварихи.

И соловей запел. Он пел так чудесно, что у императора выступили на глазах слезы и покатились по щекам. Тогда соловей залился еще громче, еще трогательнее.

Император был очень доволен и сказал, что дарит соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался.

— Я видел на глазах у императора слезы, какой еще награды желать мне! — сказал соловей, и снова зазвучало его чудесное пение.

— Очаровательно! — воскликнули придворные дамы и стали набирать в рот воды, чтобы она булькала у них в горле, когда они будут с кем-нибудь разговаривать. Они думали, что будут похожи на соловья.

Соловей имел исключительный успех. Его оставили при дворе, отвели ему особую комнату, разрешили гулять на свободе два раза в день и раз ночью и приставили к нему двенадцать лакеев; каждый держал его за шелковую ленточку, привязанную к ножке. Небольшое удовольствие было от такой прогулки!

Раз императору доставили большой пакет с надписью: „Соловей“.

— Вот еще новая книга о нашей знаменитой птице, — сказал император.

Но в пакете была не книга, а маленький ящичек, в нем лежал искусственный соловей, похожий

— Что же это такое? — сказал император, а придворные назвали соловья неблагодарным созданием.

— Но лучшая-то птица осталась у нас,— сказали придворные, и искусственному соловью пришлось пропеть то же самое в тридцать четвертый раз.

Настоящего соловья объявили изгнанным из пределов государства. А искусственная птица заняла место на шелковой подушке возле императорской постели. Кругом нее были разложены все пожалованные ей драгоценности, и она получила звание придворного певца ночного столика.

Так прошел целый год. Император, весь двор и даже весь народ знали наизусть песню искусственного соловья. Уличные мальчики пели: „Ци-ци-ци, клюк-клюк-клюк!“ Сам император напевал то же самое. Ну, что за прелесть!

Но раз вечером искусственная птица только что распелась перед императором, лежавшим в постели, как вдруг внутри ее зашипело, зажужжало, колесики ее перестали вертеться, и музыка смолкла. Император вскочил и послал за своим лейб-медиком. Но что мог тот поделать! Призвали часовщика, и он после долгих разговоров кое-как исправил птицу, но сказал, что зубчики поистерлись, а поставить новые нельзя и что птицу можно будет заводить только раз в год.

Прошло еще пять лет. Император забо-

на настоящего, но весь осыпанный бриллиантами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу, и она начинала вертеть золотым хвостиком и петь одну из песенок настоящего соловья.

— Какая прелесть! — сказали все придворные.— Ну-ка, пусть они споют вместе.

Но дело не пошло на лад. Настоящий соловей пел по-своему, а искусственный — как заведенная шарманка.

Искусственного соловья заставили петь одного. Он имел такой же успех, как настоящий, но был куда красивее: весь так и блестел драгоценностями. Тридцать три раза пропел он одно и то же и не устал. Придворные охотно послушали бы его еще раз, но император решил, что надо дать спеть и настоящему соловью. Но куда же он девался? Никто и не заметил, как он вылетел в открытое окно и умчался в свой зеленый лес.

лел. Бледный и похолодевший, лежал он на своем великолепном ложе. Все придворные считали его умершим. По всем залам и коридорам были разостланы ковры, чтобы не слышно было шагов. Во дворце стояла мертвая тишина. Но император еще не умер, хотя и лежал на своем великолепном ложе, под бархатным балдахином с золотыми кистями. Окно было раскрыто, и луна глядела на императора и на искусственного соловья.

Император почти не мог дышать, ему казалось, что кто-то сидит у него на груди. Он открыл глаза и увидел, что на груди у него сидела смерть. Она надела на себя корону императора, взяла в одну руку его золотую саблю, а в другую — богатое знамя. Кругом из складок бархатного балдахина выглядывали какие-то странные головы: одни гладкие и злые, другие добрые и милые. Это были добрые и злые дела императора.

„Помнишь это? — шептали головы одна за другой. — А это не забыл?"

И рассказывали ему о всех его делах так много, что на лбу у него выступил холодный пот. „Не помню, забыл, — говорил император. — Музыку сюда, музыку! Бейте в барабаны! Я не хочу слушать их речей!" Но они все продолжали говорить, а смерть кивала на их речи головой. „Музыку, музыку! — кричал император. — Пой, моя золотая птичка! Я повесил тебе на шею свою золотую туфлю; я одарил тебя драгоценностями. Пой же, пой!"

Но птица молчала: некому было завести ее, а без этого она не могла петь. Вдруг за окном раздалось чудное пенье. Это прилетел живой соловей. Он пел, и призраки бледнели, и кровь приливала живей к сердцу императора. Сама смерть заслушалась соловья и все повторяла: „Пой, пой еще!" И ей так захотелось вернуться на кладбище, что она сняла с головы корону, положила на место золотую саблю, оставила знамя и, как холодное белое облако, вылетела в окно.

„Благодарю тебя, милая птичка! — сказал император. — Я изгнал тебя из моего государства, а ты отогнал смерть от моей постели! Чем вознаградить тебя?" — „Ты уже наградил меня, — сказал соловей. — Я видел слезы на твоих глазах, когда пел в первый раз перед тобой, и я никогда не забуду этого. Слезы — самая драгоценная награда певцу". И он запел опять, а император заснул крепким сном.

Когда он проснулся, в окно светило солнце. Никто из слуг еще не заглядывал к нему: все думали, что он умер. Соловей сидел на окне и пел. „Ты должен остаться у меня навсегда, — сказал император, — ты будешь петь только тогда, когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги". — „Не надо, — сказал соловей, — она служила тебе, пока могла, оставь ее у себя. Я же не могу жить во дворце. Я буду прилетать к тебе, когда сам захочу, и буду петь тебе о счастливых и несчастных, обо всем добром и злом. Маленький соловей летает повсюду; он залетает и под крышу бедного рыбака и поселянина, которые живут далеко от тебя".

И соловей улетел.

В это время слуги вошли взглянуть на мертвого императора, а он стоял здоровый и веселый и сказал им: „Здравствуйте!"

Сомы

М. Иогансон
Худ. Р. Барто

Те рыбаки, что ловят рыбу сетями в морях, доставляют нам камсу, селедку и судаков. Это рыбаки-рабочие.

Но есть и другие рыбаки, которые ловят рыбу удочкой в выходной день для развлечения. Удочкой поймать рыбу совсем нелегко. И чаще всего эти рыболовы возвращаются домой без рыбы. И рыбу-то они едят больше ту, которую купят в магазине.

Правда, бывает и так, что и этим рыболовам посчастливится. Так было с двумя змиевскими парнишками на Донце.

Они сидели на берегу против леса и удили язей.

И уж как обрадовались ребята, когда им удалось, наконец, поймать на горох язя с полкилограмма весом! Чего только ни делали они со своей рыбой! И смотрели, и трогали, и гладили! И еще бы погладили немного, да нужно было как-то устроить язя, чтобы не пропал он от солнца.

Ребята пропустили ему сквозь жабры тоненькую веревочку и на веревочке пустили в речку. А другим концом привязали хорошенько к дереву, чтобы не уплыл.

И сели снова удить.

Долго сидели ребята. Вдруг возле язя что-то выплыло — черное и огромное, как бревно.

Потом всплеснуло, будто кто-то по воде камнем пустил.

Потянули ребята за веревочку: тянется легко, а вместо язя болтаются на вере-

вочке только одни жабры. Очень было обидно ребятам, что пропал такой язик. Теперь такого не скоро поймаешь!

Сели опять удить.

Но, видно, сегодня счастливый выдался день. Не просидели они и до конца дня, как опять поймали язя, а перед вечером поймали еще одного. Большого они посадили в ведро, а меньшего пустили на веревочке в речку: этот, небось, уже не сорвется. А сами улеглись и заснули. Утром вытянули веревочку — опять одни жабры болтаются. Надо что-то делать! Побежал один из них в Змиево, выковал в кузне большой крюк.

Насадили на него последнего язя и сидят. Боятся. А ну, как и этот пропадет?

И верно, через какой-нибудь час вынырнуло что-то черное да большое, ну, прямо как лодка. Ударило по воде хвостом и ухватило язя.

Ребята за веревку. Есть! Что-то попало. Тянули, тянули — притянули к берегу. Сом! Голова с ведро! И только хотели вытащить его на берег, а сом крутнул хвостом — и в глубину.

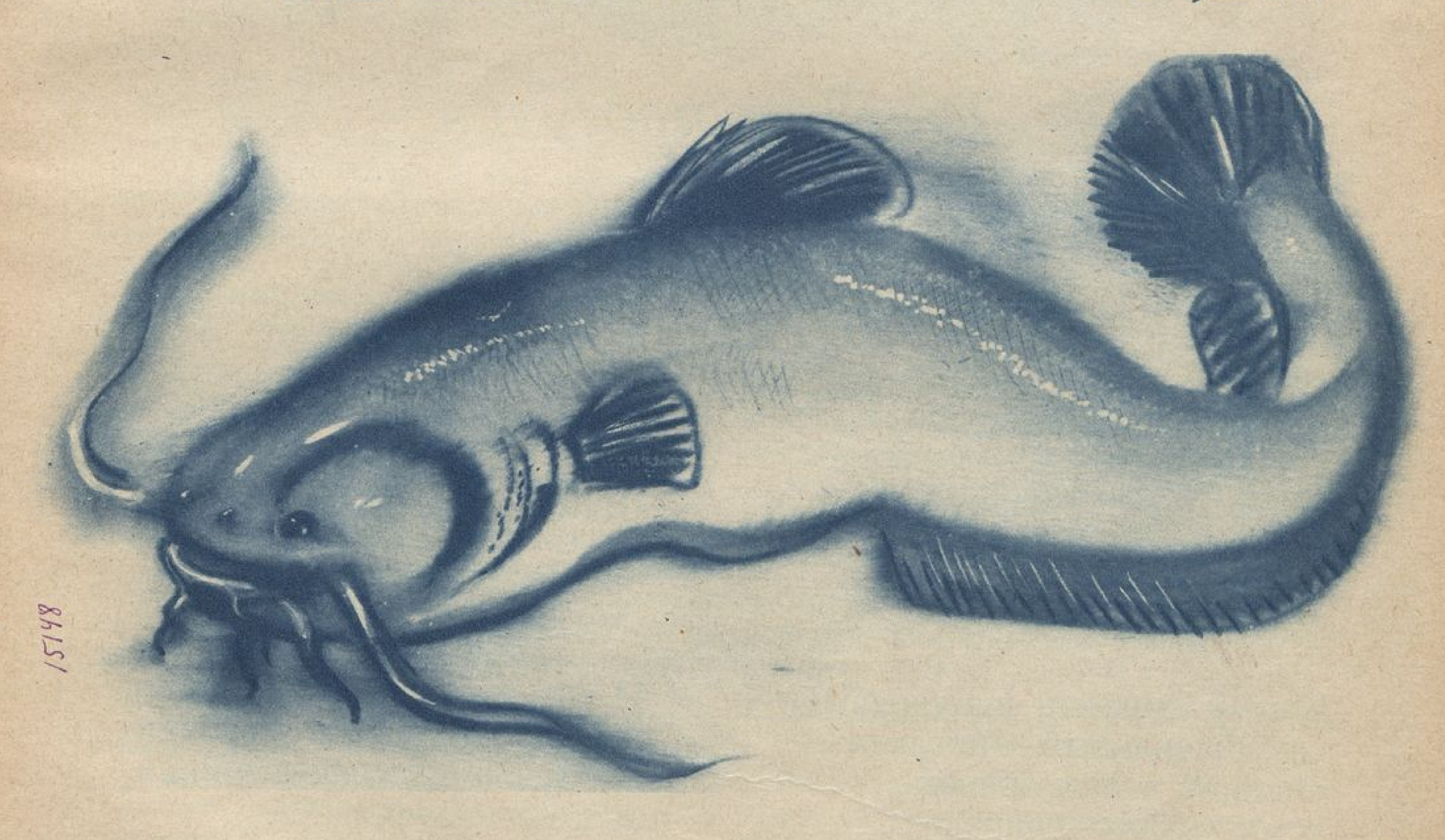
Чуть-чуть ребят не утащил с собой в воду. Долго возились они с этим сомом. Даже вспотели оба. Снова пришлось в Змиево бежать, теперь за лошадью. Лошадь-то сома и вытащила. Был он большой и длинный, длинней человека. А весил девяносто шесть килограммов. Так на телеге и повезли его в деревню.

С той поры этих ребят и не оторвать от речки. Все им кажется, что они опять поймают сома на удочку. И про что бы ни зашел разговор, они про свое, про сома. Спят и во сне видят тоже сома, да какого! Величиной с мельницу.

Так их и прозвали в Змиеве: „Сомы".

Перевела с украинского

А. Чумаченко

Веселая прогулка

Е. Благинина
Худ. Е. Афанасьева

На травинке греют спинки
золотые паучки.
По извилистой тропинке
все песчинки да сучки.

Ветер носит крошку-мошку,
озорного комара.
Выбегает на дорожку
за сторожку детвора.

Самый смуглый и кудрявый,
самый сильный — погляди —
он идет перед оравой
левой-правой впереди.

А за ним, как землянички
на припеке, на юру,
две сестрички-невелички,
две косички на ветру.

А за ними — пять опяток,
десять пяток, пять носов,
пять ребяток-октябряток,
сто веселых голосов.

И у всех в руках корзинки,
все стрекочут, как сверчки...
На травинке греют спинки
золотые паучки.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ

А. Кальма

1. ГДЕ ПОЯВИЛАСЬ ПЕРВАЯ МАРКА?

Кучер громко затрубил в рожок. Почтовая карета приближалась к небольшому городку.

Почтовую карету сейчас же окружили:

— Джон, привез мне письмо от дочери?

— А мне, Джон, есть весточка?

Джон рылся в сумке.

— Сейчас, сейчас все получите! И вы, тетушка Милли, и вы, дядюшка Смит. Вот только разберу почту.

Он протянул тетушке Милли большой пакет. На нем была наклеена темнокоричневая марка с женским портретом.

Тетушка Милли удивилась:

— А что это такое? Вот эта штучка на пакете?

Джон засмеялся.

— Это марка, тетушка Милли. Теперь на все письма и пакеты будут наклеиваться такие марки. Их выпустили в Лондоне по распоряжению нашего генерал-почтмейстера Гилля. Раньше мы ставили штемпель на пакеты, а теперь марку наклеите на письмо — и готово дело.

Все с любопытством рассматривали марку.

— А кто изображен на этой штуке, я хотела сказать — на этой марке? — спросила тетушка Милли.

— Наша королева Виктория.

Разговор этот происходил в Англии почти сто лет тому назад, в 1840 году. Эта была первая почтовая марка в мире.

За Англией начали выпускать марки и другие страны. В России марки появились в 1857 году.

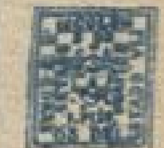
2. КАКАЯ МАРКА САМАЯ БОЛЬШАЯ И САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ?

Самая большая марка, размером около семи сантиметров, выпущена в 1866 году в Соединенных штатах. Эту марку наклеивали на газеты и журналы. Так она и называется среди коллекционеров — „газетная марка".

А в самой маленькой марке — всего несколько миллиметров. Она выпущена в Боливаре, в Южной Америке, в 1863 году.

Сейчас она считается очень редкой.

3. КАКАЯ МАРКА СТОИТ МИЛЛИОН ФРАНКОВ?

Самой редкой маркой в мире считается марка Британской Гвианы, выпущенная в 1856 году. Стоимость ее — четыре цента — около восьми копеек

на наши деньги. Эта марка — единственная в мире.

В прошлом году в Париже марка Британской Гвианы была продана за миллион франков. Надо иметь много и легко нажитых денег, чтобы заплатить такую сумму за почтовую марку. Ее купили для английского короля. Возле марки дежурил отряд полицейских, и кругом бродили сыщики. Кто хотел поближе разглядеть редкую марку, должен был предъявлять свои документы.

4. ЧЕМУ УЧАТ МАРКИ?

На некоторых марках Швейцарии изображены высокие снеговые горы. Ты узнаешь, что Швейцария — гористая страна. По маркам Либерии можно узнать, какие животные и растения встречаются в республике.

Раньше собирать марки было неинтересно, потому что их было мало и на них изображались только цари да короли или государственные гербы.

Марка с изображением Христофора Колумба была впервые выпущена в Америке. Так Америка решила отпраздновать трехсотлетие своего открытия. На марках стали появляться портреты писателей, ученых, мореплавателей. Дальше пошли изображения животных, птиц.

Посмотри на обложку. Там на марке изображена лодка с плывущими на берег людьми. На носу лодки стоит человек в черном камзоле. Он напряженно смотрит на берег. А на берегу лодку ждут люди.

Под этим изображением подпись. А сверху написано крупными буквами, какая страна выпустила эту марку.

Попроси старших ребят или учителя помочь тебе прочесть надпись. Ну-ка, что это за страна? **Espana.**

Прочел? Эспана — это Испания. Где же находится эта страна? Собирай марки, учись пользоваться географической картой. На карте ты найдешь Испанию, к юго-западу от СССР, рядом с Португалией. Теперь прочти надпись на марке: **Cristobal Colon.**

Кристобаль Колон — то есть Христофор Колумб. Ты, наверное, уже знаешь, что это знаменитый мореплаватель, открывший Америку.

Достань книжку про открытие Америки.

Так по маркам ты можешь научиться читать надписи на иностранных языках, пользоваться географической картой и узнавать про исторические события.

5. КАК СОБИРАЕТ МАРКИ АРКАША ЧЕЛЫШОВ?

Много тысяч людей во всех странах мира собирают марки.

Особенно любят собирать марки ребята.

Одна из лучших коллекций — у Аркаши Челышова, в Москве. Альбом у него — загляденье. Аркаша смеется:

— За вход в мой зоопарк — пятьдесят копеек.

В его альбоме собраны марки с изображениями животных. Тут и змеи, и гориллы, и слоны. Это марки Борнео и Либерии.

Есть и монгольские марки с изображением древней охоты на диких лошадей. Альбом Аркаши — чистый, аккуратно разграфленный. Каждая марка очерчена тушью.

Кроме „зоопарка", можно собирать, например, марки, изображающие различные средства сообщения — от верблюда до стратостата. Собирают еще марки с изображением различных зданий.

Многие ребята собирают Лениниану — марки с изображениями Ленина, — а таких у нас, в Советском союзе, очень много.

ПИСЬМО С АЭРОДРОМА

Герой Советского Союза М. В. Водопьянов

Я, ребята, улетаю очень далеко.

Партия и правительство нашей страны поручили мне слетать на остров, который называется Землей Франца-Иосифа. Остров находится в Арктике, недалеко от северного полюса. Полгода на этом острове полярная ночь, а другие полгода не заходит солнце и стоит бесконечный день. Круглый год там морозы. Земля там никогда не оттаивает, и на ней, конечно, ничего не растет — ни травы, ни деревьев. Зато на этом острове очень много разных птиц и зверей. В море водятся белые медведи, тюлени и моржи. На Земле Франца-Иосифа живет человек тридцать наших товарищей. Это ученые. Они наблюдают за погодой и сообщают нам свои наблюдения по радио. А вся погода идет к нам оттуда, из Арктики.

Радиоволны идут быстрее погоды. И вот ученые предупреждают.

— У нас, — передают они, — погода портится. Ждите, и у вас скоро испортится: снег пойдет.

На Землю Франца-Иосифа еще никто никогда не летал. В помощь мне дали летчика Махоткина. Полетим мы вместе на двух одинаковых самолетах.

Со мной в самолете полетят два моих помощника. Один из них — бортмеханик Бассейн. Он будет следить за тем, чтобы хорошо работал мотор моего самолета.

Другой мой помощник — радист Иванов. Во время полета он будет разговаривать по радио с земными радиостанциями и с Махоткиным, который полетит рядом, на другом самолете.

Хороший радист Иванов! Это он помогал работать радисту Кренкелю в ледовом лагере Шмидта. Из лагеря я на самолете вывез десять челюскинцев. Один из них был радист Иванов. С тех пор мы летаем вместе.

Хорошие у нас самолеты! На заводе для нас их переделали: устроили так, что кабинки наших самолетов все время отапливаются. Какой бы мороз ни был на улице, в них тепло, как в комнате.

Лететь мы будем со скоростью 180—190 километров в час. Нам придется итти низко, над самыми льдами, подниматься выше облаков. Все будет зависеть от погоды. Придется лететь и в тумане, когда не видно ни неба, ни земли, и в пургу, когда так крутит снег, что не знаешь, куда лететь. Тогда мы будем итти только по компасу и специальным приборам, которыми оборудованы наши самолеты.

На своих самолетах мы спокойно пролетим над полями и лесами, снегами и льдинами. Прилетим на Землю Франца-Иосифа и к Первому мая вернемся на родину.

Первомайские праздники будем встречать вместе, ребята!

Тогда я расскажу вам, как я слетал на Землю Франца-Иосифа.

Редколлегия: Барто А., Маршак С., Кассиль Л., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.
Ответственный редактор Н. Венгров. Оформление Веретенникова В.

Сдано в набор 28/II 1936 г. Подписано к печати 3/IV 1936 г. Объем 3 печ. листа. Ст.-формат 62×94. ¼ листа.
Детиздат № 692 Уполномоченный Главлита Б—21309. Заказ № 677. Тираж 225.000.

Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.

Ребята, напишите нам, как вы собираете марки и какие марки в вашей коллекции самые интересные